

Василий Чибисов

**Страх
лечат
дважды**

*Иронический
хоррор*

Василий Васильевич Чибисов

Страх лечат дважды.

Иронический хоррор

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21126896

ISBN 9785448314506

Аннотация

Ребенок сочиняет байки про черную чучелку? Можно посетить психолога. Будете бояться вместе. Светлана Озёрская, известный психотерапевт, не боится тёмных лабиринтов чужого разума. Даже если за каждым поворотом поджидает страх. Лишь бы страх не научился создавать себе двойников. Ведь две чучелки – значит смерть...

Страх лечат дважды Иронический хоррор Василий Васильевич Чибисов

*Сама пугало огородное!
Остер. Нарушение правил приличия*

*Страх перед взрослым,
не контролирующим себя,
превращает ребенка
в психиатра.
Ференци. Психоанализ и педагогика*

© Василий Васильевич Чибисов, 2016

ISBN 978-5-4483-1450-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Психологический центр «Озеро»

2017, февраль, 8

– Здравствуйте. Мы на полтретьего.

Усталый голос вырвал новенькую девушку-администратора из оцепенения. Февраль издевался над метеозависимыми москвичами со сладострастным зверством инквизито-

ра-дознавателя, только что вернувшегося из отпуска. Впрочем, была ли в инквизиции система отпусков? А профсоюз? А бонусы для наиболее ревностных оскорбленных верующих?

Куда только ни уносит людей поток скучающего сознания! Особенно если эти люди торчат целый день за стойкой администратора без дела. Лишь редкие пациенты нарушают сакральную красоту ментального анабиоза. Редкие вовсе не потому, что дела у центра «Озеро» идут плохо. Или потому, что здания центра спряталось в сердце густого лесопарка, охраняемого по периметру.

Как раз наоборот. Дела шли лучше некуда. Просто позволить себе визит сюда могли только представители российской элиты. Кроме того, далеко не каждый из сильных мира готов был признаться в собственной слабости и подставить бессознательное под психотерапевтический скальпель.

– Добрый день, Елена Дмитриевна, Дмитрий Викторович. Доктор Вас уже ждёт. Прошу, следуйте за мной.

Первая и предпоследняя на сегодня запись. Имена пациентов сотрудница заучила ещё с утра, поэтому даже не взглянула на монитор с расписанием. Впрочем, Елену Ерофееву можно было узнать без всякой дополнительной подготовки. И дело тут не в добром имени, которое оппозиционная пресса изорвала в клочья за каких-то пару месяцев. Любой, кто хоть раз видел эту женщину, навсегда запомнил её волосы.

Грива расплавленной меди, дичайшим образом легиро-

ванная серебром. При каждом шаге седые пятна хаотично перемещались по темно-рыжему полотну, образуя такие узоры, что Герман Роршах удавился бы от зависти.

Что же касается Дмитрия Викторовича, то таким официальным обращением администратор наградила мальчика лет семи, названного Дмитрием в честь деда по материнской линии. Отцовская же линия была тщательно убрана из воспитательного процесса, семейной хроники и вообще из области чего-либо достойного упоминания.

Кроме этих двух линий было еще множество таких, которые не поддаются стиранию – оставленные в уголках глаз следы вселенской усталости, одиночества и отчаяния. Елене стоило бы бросить бизнес, чтобы пойти в дизайнеры и потрясти свет новым брендом. Масками из тонкого фарфора, испещренного сетью лёгких морщин.

Безмолвное шествие по коридору наконец-то было окончено.

Администратор откланялась и ушла обратно за стойку, размышлять о трудном устройстве инквизиторских профсоюзов. У неё был целый час, чтобы окончательно определиться с бонусами для самых эффективных дознавателей. Впрочем, поток мыслей вполне мог сменить направление.

Шаг влево – и место оскорбленных верующих займет проблема наследования короны у императорских пингвинов. Шаг вправо – и пингины примут христианство. И им тоже придется создавать инквизицию. И там тоже будут профсою-

зы. В отпуск хочется.

– Мама, а ты расскажешь доктору про чучелку? – спокойно и несколько официально поинтересовался мальчик.

Лена обречённо вздохнула и, ничего не ответив, толкнула тяжёлую дверь.

За столом сидела дама постбальзаковского возраста в белом накрахмаленном халате и с причёской, как у Мирей Матье. Сочетание этих трех деталей само по себе произвело на Ерофееву терапевтический эффект. Всегда приятно встретить человека, еще сильнее затюканного жизнью, чем ты. И твои собственные невзгоды кажутся уже не стаей свирепых грифов, а всего-навсего слегка назойливой шумной толпой пингвинов. Пингвины шумную толпой...

– Добрый день. Располагайтесь!

Даже не верится, что настолько уставшая от жизни женщина может генерировать такие приятные голосовые волны. Вероятно, её голосовой генератор работает на каком-то древнем дизельном топливе с добавлением расплавленного бархата.

Наверное, гипнотическое обаяние входит в круг обязанностей психотерапевта, – решила Ерофеева и наугад выбрала один из стульев, расставленных в разных точках кабинета. Дима, обычно погруженный в свой воображаемый мир и плохо переносивший присутствие других людей, вдруг пошёл прямо к столу Озёрской.

– А Вы маму лечить будете или меня? – с некоторой моль-

бой в голосе спросил он, доверчиво глядя Светлане прямо в глаза.

– Ну... а если никого не придётся лечить? – она ласково улыбнулась.

– Так не бывает! – возразил мальчик. – Вы же доктор. Значит, должны кого-то лечить. Другие доктора меня лечили.

– Может быть, это были неправильные доктора? Они, наверное, много говорили и мало слушали?

Мальчик закивал.

– Тогда твоя очередь говорить. Расскажи о себе. Всё, что считаешь интересным.

Мальчик явно успокоился и немного повеселел, когда понял, что сегодня всё возможно обойдётся. И никто не будет стучать молоточком под коленкой, светить в глаз фонариком. А главное, не заставит искать лишнюю картинку. Диме никогда не нравились такие задания. Каждая из четырёх карточек как-то отличалась, и он всегда хотел рассказать врачам обо всех отличиях. Но те только печально качали головой и что-то записывали в блокнот.

А тётя Света никуда ничего не записывала и не задавала глупых вопросов. Она просто слушала, как Дима, усевшись на кушетку и болтая ногами, рассказывает о своем мире, построенном на фундаменте из множества захлеб прочитанных книг... И даже мама стала улыбаться, видя, что её дорогой мальчик снова такой же жизнерадостный и беззаботный, как раньше.

– Это прекрасно, что ты любишь читать! – Светлана Александровна искренне и с интересом слушала рассказ Дима. – Кто же твой любимый герой?

– Капитан Немо! – не задумываясь выпалил Дима. – Я тоже хочу, чтобы у меня была подводная лодка...

– У маман дома хорошая библиотека. Два этажа книг, – проснулась Елена. – Мне последние пару месяцев приходится скрываться от озверевших СМИ. У властей последние зубы выпали. Нет бы посадить парочку горлопанов, остальные разбегутся... Да Вы, наверное, всё сами знаете. Вот Диму и пришлось к бабушке отправить на зиму. Теперь за уши не оттянешь от чтения! Жюльверна (смешала она в одно слово имя и фамилию автора) может по несколько раз перечитывать.

Каждый раз казалось, что ещё более довольной Светлану сделать трудно. Чем больше мальчик рассказывал, тем сильнее были исходящие от доктора волны тепла и одобрения. При этом искренняя радость за чужого ребёнка проявлялась отнюдь не в профессиональной улыбке: она искрилась в глазах, отскакивая от мягко постукивающих по столу подушечек пальцев.

Непринужденная беседа длилась еще минут двадцать, и всё это время никто не вспомнил о причинах визита семьи к психотерапевту. Мальчик рассказывал о большом бабушкином особняке, полном интересных книг. О реке, которая протекает неподалеку, но в которой нельзя купаться. О том,

как он любит собак, а у мамы свой собственный собачий питомник.

Светлана Александровна отрешенно слушала, растворяясь в рассказе юного пациента. Его реальность становилась её реальностью. Внимание парило над картинами жизни Димы, не останавливаясь ни на одной из них, но ничего не пропуская. Словно кто-то разбросал по полу детскую мозаику. Теперь Светлана могла перемещать эти кусочки воспоминаний.

Это было трудно, ведь дети не владеют чувством времени. Вчерашний день для них может быть бесконечно далек, а события трехлетней давности переживаются так ярко, как если бы случились прямо сегодня после завтрака. Но это не беда, ведь ещё есть мама Дмитрия: несмотря на регулярные депрессивные эпизоды и ярко выраженную тревожность, она очень хорошо распоряжается собственным временем, тренирует память, ведёт записи. Это стало ясно уже на десятой минуте разговора. Так что она поможет.

Мозаика стала довольно быстро собираться. Книжки, которые так любил мальчик, можно было объединить повторяющимися образами. Капитан Немо, живущий в подводной лодке. Таинственная Владычица озера, лишь однажды поднявшаяся из глубин, чтобы подарить Артуру экскалибур. Циклоп, притаившийся в своей пещере. Рыцарский замок, обнесённый широким рвом. Сокрытое, спрятанное в безопасности, далёкое и почти недостижимое.

– А тебе бы хотелось отправиться вместе с капитаном Немо в глубины океана? – внезапно вернулась к началу разговора Светлана.

– Конечно! – воскликнул мальчик. – В подводной лодке никто меня не найдёт!

– А кто тебя хочет найти?

Мальчик внезапно погрузился, опустил взгляд и что-то виновато пробормотал. Светлана вопросительно посмотрела на маму Димы. Елена Ерофеева только развела руками.

– Я столько раз просила маман хотя бы иногда смотреть, что же там читает Дима. Ведь в библиотеке хранятся только раритетные аутентичные издания!

– В каком смысле аутентичные?

– Ну то есть никаких переводов, никаких «исправленных и дополненных», никаких «пятых стереотипных». Либо первое издание, либо авторские рукописи, либо реплики, чудом избежавшие цензуры.

– Верна когда-нибудь цензурировали? Он же во Франции жил! – Озёрская всегда полагала, что цензура существовала только в советском союзе, арабских республиках и толерантной Германии.

– После первого же успешного издания! – Лена подавалась вперед, отчего седые облака на рыжем небосводе бросились врассыпную. – Географическое общество не могло допустить, чтобы в их рядах официально числился оккультист.

– Он разве не фантастику писал?

– Это была дань цензуре. Все эти хитроумные инженерные кунштюки, технологии будущего... Вы думаете, я просто так это рассказываю? Маман стала собирать свою библиотеку, как только достигла своего политического триумфа в западной Германии. Я, мы... мы тогда даже не переписывались, потому что... наша семья всегда думала, что матушка нас попросту бросила ради побега из совка.

– Но это было, конечно же, не так? – подсказала Озёрская. Она переключилась на биографическую пряжу Елены.

Мальчик пусть отдохнет после слишком эмоционального и открытого монолога. Расставит свои мысли в новом порядке, чтобы выдать в итоге новую порцию откровений. Что же касается старых семейных неприятностей самой Лены, то с них-то и надо было начинать. Детские страхи – это по большей части попытка ребенка взять на себя невыполнимую задачу по вербализации, интерпретации и проработке плохо скрываемой родительской психопатии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.